

С. С. ЧАХОТИН

Интеллигенция, сменовеховство, коммунизм

Как ни писалось много в наши дни об интеллигенции, о ее роли и судьбах в русской революции, о ее сегодняшнем дне и возможностях завтрашнего дня, все же вопрос этот далеко не исчерпан, более того — он, мне кажется, вновь начинает вступать в полосу повышенной актуальности. Толчком к тому послужило явление, известное ныне под именем сменовеховства. Бомба, брошенная в прошлом году группой русских интеллигентов в Париже, взорвалась и тысячи осколков ее ударили по сердцам, заставив зазвучать струны в родственных душах в России и в эмиграции. Результатом этого звучания явился, с одной стороны, взрыв негодования, рев бешенства присяжных защитников идеи борьбы с Новой Россией, с другой — сначала радость за новых союзников, затем попытка взглядеться, далее нотки недоверия, подозрений и, наконец, чуть ли не вопль «*Seveaot consules!*»¹.

Это последнее обстоятельство и заставляет меня, как одного из сменовеховцев, взяться за перо и попробовать подвергнуть вновь анализу идеологию того общественного интеллигентского течения, которое идет под флагом приятия октябрьской России.

Строго говоря, прежде всего важно спросить себя, насколько уже можно говорить об идеологии движения «смены вех». Это тем более уместно, что в последнее время приходилось неоднократно слышать об искусственности группировки элементов сменовеховства, об ее временном характере, о том, «что не сегодня завтра «сменившие вехи» — разбредутся по своим классовым квартирам». Прежде всего надо освободиться от опасного гипноза слов «смены вех», могущего путать карты и создавать впечатление, будто существенный момент здесь именно «смены». Ясно, что строить идеологию по признаку «смены» не приходится. Сменить можно, что угодно когда угодно и из самых разнообразных побуждений,

между тем последнее — возбуждения к действию — в политической идеологии всегда самое существенное. Для идеологии важна конечная цель, а не столько пути к ней, между тем «вехи» — скорее понятие, относящиеся к пути, и сама «смена вех», строго логически рассуждая, должна вызывать представление о перемене тактики, а не квалифицировать идеологическую сущность. Поскольку под «сменой вех» понимается тактика — обозначение верно, но поскольку оно должно выражать идеологию определённой общественной группировки — а в этой плоскости сейчас уже и идут все споры — оно неверно и вредно. Если бы все дело было только в повороте, в «смене» вех, то никакого сменовехизма не было, как длительного явления, и каждый, «сменивший вехи» действительно переходил бы к существующим другим группировкам — но этого нет «Сменив вехи» — эти элементы не расходятся, напротив, обнаруживают тенденцию к спайке, то есть обнаруживают наличие у них какой-то общей социальной базы. Какой — увидим дальше.

В последнее время делались попытки нащупать в движении «сменовехизма» два и даже три течения, говорилось о правых и левых «сменовеховцев», иногда даже еще и о центре. На мой взгляд, это совершенно искусственно. Вообще понятия «левизны» и «правизны» в политике сейчас уже устарели и являются анахронизмами для России. Они создались ведь в обстановке буржуазного-капиталистического строя и имели смысл с точки зрения понятия о борьбе за новый строй. Но сейчас, в эпоху диктатуры пролетариата и в следующую за нею эпоху нового типа государства — трудового — они являются просто отрывками старого, пожелтелыми, полусгнившими ярлыками. Или может быть, они должны обозначать разницу в темпераментах разных категорий людей — несомненно существующую, — но если так, то это относится к области индивидуальной психологии, а не политики, и с таким же правом можно было бы отличать высоких и низких, толстых и худых «сменовеховцев».

Итак, дифференциации по существу в сменовеховстве нет. Рассуждения на тему о более правом течении, о центре, о левом — совершенно искусственны. Более «правому» приписывают, напр., какой-то специфический национализм — не трудно цитатами показать, что этот «национализм» совершенно того же порядка, что и призывы Троцкого «защищать красное отечество», что и сотни статей в Известиях и в Правде, тысячи речей ответственных советских деятелей, славящих РСФСР — защитницу идей истинной свободы. А с другой стороны, где у сменовеховцев, где вообще у русского интеллигента — именно у русского — отрицание идеалов национализма? Интернационализм не есть привилегия рабочего класса в массе, он — прежде всего — лозунг элементов, в идеологии которых сочетаны понятия интеллекта и труда.

Более «левому» течению приписывают «приближение» к коммунизму. Что значит «приближение»? Приятие Октября с исторической ролью РКП, с диктатурой пролетариата, как органически необходимым звеном в развитии Новой России? Но ведь это и есть краеугольный камень всего сменовехизма. Или может быть солидаризации с тактикой и расисткой идеологией сегодняшней коммунистической партии? Но если бы это было так, то это «течение» было бы ничем иным, как крылом коммунизма и его пребывание вдали от самого тела КП и вместе с элементами в КП не входящими, было бы очень странным, непонятным явлением, отнюдь не в пользу такого «течения» говорящим.

Приходится слышать и то, будто в сменовеховстве дифференцируются элементы с «марксистским» уклоном и с «буржуазным». О последнем говорить странно для России, устранившей свой буржуазный класс и гарантировавшей себя от его возврата, России — где ожидать возвращения буржуазного строя можно было бы только путем реставрационного переворота, но ведь это контрреволюция, то есть именно то, от чего отмежевались самым решительным образом сменовеховцы. Видеть же в сменовеховстве серьезную наследницу буржуазии — особенно в обстановке трудовой дисциплины — нелепо. Конечно, отдельные буржуазные привычки у людей нашего века были и будут еще некоторое время существовать, — но кто же решится утверждать, что их нет и у коммунистов? Не так обстоит дело и с теми же марксистскими уклонами. Вообще при оперировании понятием «марксистскими» необходима большая осторожность. Не следует забывать, что учение Маркса определилось в эпоху и как логическое следствие материалистических учений 18-го века, обусловленных бурным потоком успехов естественных наук. Я бы сказал, что марксизм очень сродни по духу дарвинизму. Сегодня мы знаем точно и безапелляционно, что дарвинизм научно ликвидирован, точная наука ушла от этого учения. Пали попытки однобокого объяснения законов эволюции, пали вместе с общим развалом грубого материализма. И такова же участь так называемого марксизма. Он не выдерживает напора научной мысли. Конечно, поскольку под именем «марксизм» понимают «научный социализм», вообще «научный» подход к социологическим проблемам — он остается, но для этого нет оснований, как нет оснований называть «дарвинизмом» научный вообще подход к явлениям эволюции, то есть позитивизм.

Но об этом в другой раз. Здесь мне важно лишь подчеркнуть, что ссылки на догмы «марксистской» библии сегодня и для социалиста отнюдь не убедительны. Конечно, они имеют еще практическое значение как популяризация идеи научного подхода к волнующим широкие массы вопросам дня, но в строгом анализе уже неприемлемы.

Правизны и левизны у сменовеховцев нет, «марксистских» и «буржуазных» шпионов в качестве решающих моментов тона, есть что-то свое, основное, спаивающее эти элементы между собою и делающее все движение цельным, однородным, органическим звеном новой трудовой Россия. Тут нужна, впрочем, маленькая оговорка — все вышесказанное имеет вес только при условиях допущения искренности выдвигания определенных лозунгов. Конечно, и среди сменовеховства есть элементы «примазавшиеся», миметирующие², «сменяющие вехи» в чаянии разных благ, идущие с движением из более грубо эгоистических побуждений. Но ведь за это идеология движения не ответственна. Не знаем ли мы из уст самого Ленина, что таких «примазавшихся» есть не мало внутри и вокруг самой КП, особенно ее, как окруженной сегодня ореолом власти не внаем ли, что почти каждый съезд компартии обсуждает и принимает меры в чистке рядов партии от этих неизбежных паразитов.

Итак, из кого же слагается сменовеховское движение, какие элементы оно притягивает? Ни для кого не секрет, что это элементы русской интеллигенции». Мы имеем здесь подавляющее большинство трудовой интеллигенции, некоторое количество лиц, принадлежавших раньше к интеллигенция привилегированных классов, ныне волею истории ставших трудовыми элементами, и, наконец, сюда идет непрерывный приток из среды проходящих процесс интеллектуализирования рабочих и крестьян. В последнее время приходилось нередко встречаться с остентативно³ пренебрежительным отношением к самому понятию интеллигенции. Но это отношение диктуется или близорукостью, или сознательной недобросовестностью. Действительно, говорить, что русская интеллигенция в ходе революции оказалась в массе неумелой, недееспособной, расхлябистой, кабинетно-теоретической, иногда, пожалуй, и убого-трусливой — это одно, — это факты, но делать отсюда вывод, что умственный труд вообще негоден, «мелкобуржуазен», подлежит принижению и ущемлению, что и слава Богу, что «с ним не церемонятся», что вся его будущность исчерпывается словом «спец» — это другое и очень печальное другое. Печальное, повторяю, так как результат дефекта: либо близорукости, либо лицемерия. Безответственные элементы, травя понятие «интеллекта», забывают, что по существу именно этому интеллекту в рядах самой компартии обязан русский народ, если он не провалился в хаос небытия, забывают, что именно компартия и Советская Россия вообще придают громадное значение насаждению рассадинок знания, забывают, что именно рабочие и крестьяне — пример рабфаки — всеми силами стремятся стать профессионалами умственного труда. Правда, что исторически понятие русской интеллигенция слагалось своеобразно

и верно, что в новом трудовом государстве оно не может остаться тем же, чем была раньше, но что интеллигенция Новой России имеет и будет иметь духовную преемственную связь с носителями русской культуры предыдущих периодов — об этом не может быть двух мнений и отрицать это можно только в пылу борьбы и общей свалки, когда нередко «своя своих не познаша»⁴.

Если бросить беглый взгляд на судьбы русской интеллигенции в прошлом, то увидим, что при самодержавии интеллигенция была только служебным фактором, что и привело в сущности умственный труд в России к хирению и носителей его к политическому младенчеству, которое и проявилось в дни достопамятного 17 года, сначала — после февраля — в виде неактивности, дряблости, а потом — после октября — в непонимании совершающегося. Нужны были громы гражданской войны, нужны были тяготы изгнания — физического или морального, — чтобы прозреть, научиться. «Смена вех» — была призывной трубой, прозвучавшей в тиши шедшего среди русской интеллигенции процесса и засвидетельствовавшей о нем, и отклик, последовавший на ее призыв, лучшее доказательство того, что движение это имеет более глубокую почву, чем простое желание возврата на родину, к жизни. Под этим движением есть база, своя социальная база. И эта база — взгляд на интеллект, как орудие труда во имя коллектива.

Элементы трудового мировоззрения находим мы уже давно и раньше в идеологии нашей интеллигенции. Известно, что социалистические учения нигде не имели столько адептов, как именно в среде русской интеллигенции. Поэтому особенно странно слышать критику сменовеховства именно отношении этого вопроса. Более серьезно, казалось бы, на первый взгляд, возражение, насколько социально возможно различать виды труда — умственный и физический — в трудовом государстве. На этот вопрос ясный экспериментальный ответ дает именно практика Советской России и более того — вся агитационная и политико-просветительная деятельность самой компартии. Останавливаться на этом значило бы ломиться в открытую дверь.

Итак, самодовлеющее значение, право на существование трудовой интеллигенции в трудовом государстве на положении не «рабов» — спецов, а полноправных граждан РСФСР — не может быть оспариваемо всерьез и искренно. Речь может идти лишь о том, насколько в определенно данных русских условиях, учитывая фактически сыгранную интеллигенцией роль в событиях, политически целесообразно строить расчеты уже и на ней. Здесь мы подходим к кардинальному вопросу момента, к отношению сменовеховства к законно господствующей в эпоху диктатуры компартии.

Ответ здесь лучше всего уясняется из попытки рассматривать компартию о трех точек зрения. Первая — в отношении ее конечных идеалов. Кто же будет возражать, что идеалы социального равенства и братства — высшее и лучшее, что может быть среди людей, раз люди коллективная стихия. И в этом, конечно, у трудовой интеллигенция — полное совпадение с коммунизмом. Другая точка зрения лежит в плоскости признания огромной исторической роли компартии в русской истории. Да, она, именно она, со всеми ее положительными и теньвыми сторонами нужна была, чтобы вывести Россию из тупика на путь социального развития, в поле жизни. Еще и сейчас, в эпоху Нэпа, она одна может гарантировать устойчивость Новой России, она с ее железной дисциплиной — за нею уже годы, — и с уже сформировавшимися государственно-организационными навыками. Но с чем мы не можем согласиться, — это о ее универсальным, навеки будто зафиксированным значением. Она пройдет, она временное явление, она — орудие, резец, которым ваялась Новая Россия. И вот о этой третьей точки зрения, подходя к компартии, как в политической партии, к коллективу, стремящемуся определенными действиями провести в жизнь немедленно, сверху, принципы коммунизма — здесь мы, трудовые интеллигенты, с коммунистами разойдемся. Мы не противопоставляем себя им, мы просто несоизмеримы — в рядах компартия не мало есть ещё и нас, трудовых интеллигентов, но это не будет всегда так. В будущем трудовом государстве не может быть классов, — с классом связано понятие о борьбе, — не может быть даже партий, а можно ожидать, что будет триединый трудовой народ с разными категориями труда — земледельческого, промышленного и умственного. Это будут не враждующие три элемента, борющиеся за власть, за свои групповые интересы, а три нераздельные части единого механизма, три органа одного здорового прекрасного тела, и самым важным признаком новой формы государства будет, что не будет материальных препятствий к переходу лиц от одного вида труда и другому. С ростом же открытий, дающих человеку власть над материальной природой — число умственных работников будет непрерывно увеличиваться. Способствовать этим неизбежным процессам, ускорять наступление подготовленной русской революцией счастливой эры, — это и есть задача русской трудовой интеллигенции и глашатаем этой ее задачи и хочет быть течение сменовехизма.

